

Мюррей Стайн

В середине
ЖИЗНИ:
Юнгианский
ПОДХОД

Юнгианская психология

Мюррей Стайн

**В середине жизни.
Юнгианский подход**

«Когито-Центр»

1983

Стайн М.

В середине жизни. Юнгианский подход / М. Стайн — «Когито-Центр», 1983 — (Юнгианская психология)

ISBN 978-5-89353-270-8

Книга посвящена середине жизни и тому, что сегодня называется «кризисом середины жизни». В этот период происходит переход от одной психологической идентичности к другой, возникает кризис духа, и в этом кризисе утрачиваются старые самости и возникают новые. Именно эту внутреннюю деятельность и смысл данного перехода исследует автор. Взяв в качестве исходного материала психологические события, происходящие в середине жизни, он не оставляет без внимания серьезные межличностные и социальные последствия этих важных событий, возникающие в душевных глубинах индивида. В этой книге автор не предлагает решений относительно кризиса середины жизни и не дает никаких конкретных рецептов. Он только рекомендует путь вхождения в сферу действия психики и прохождения через нее. Книга будет интересна не только специалистам-психологам, но и широкому кругу читателей, которым придется или уже пришлось пройти через этот сложный период.

ISBN 978-5-89353-270-8

© Стайн М., 1983
© Когито-Центр, 1983

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ	5
ВВЕДЕНИЕ	7
Глава 1	10
Глава 2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Мюррей Стайн

В середине жизни. Юнгианский подход

Джейн, моей жене и другу

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Середина жизни является периодом глубокой психологической трансформации. Эта тема представляет для меня большой интерес – как в теоретическом, так и в практическом отношении. После тридцати лет практической работы в качестве юнгианского аналитика, как никогда прежде, убежден в том, что люди, имеющие представление о значении и динамике этого процесса, способны лучше справляться с кризисом, чем неосведомленные люди. Цель настоящего исследования – помочь людям, переживающим кризис середины жизни, справиться с тревогами этого времени и, возможно, увидеть его значение для их будущего. Часто говорят, что кризис заключает в себе возможность перемен и роста. Особую актуальность эта мысль приобретает в середине жизни.

При наблюдении за этим вполне нормальным и предсказуемым явлением, которое так часто встречается в жизни людей – как мужчин, так и женщин, – я больше всего был поражен тем, насколько глубоко этот процесс охватывает всю психику. Наиболее настойчиво в этот период дают о себе знать такие фундаментальные проблемы индивидуального развития и личностной рефлексии, как чувство привязанности к другим людям, переживание их утраты, ощущение самоидентичности, надежды и отчаяния. Фундаментальная целостность человека часто проходит проверку почти на грани излома. Тот, кто пережил это трудное странствие и вышел в спокойное море, никогда не остается прежним. Одних кризис середины жизни ломает, других делает целостными. Из кризиса рождается более глубокая форма целостности, чем это можно было представить.

С юнгианской точки зрения, психическое развитие представляет собой непрерывный процесс. Проблемам раннего развития были посвящены многие исследования, в которых основное внимание уделялось диаде мать-ребенок. В них подчеркивалась важность установления связи между матерью и ребенком, при этом негативные и психопатологические последствия неполной или неадекватной связи принимались как нечто само собой разумеющееся (пограничные и другие расстройства личности). Пристально изучался и подростковый возраст. Формирование личной идентичности в этот период жизни сказывается на формировании главного смысла претерпеваемых в это время перемен. Неспособность к формированию соответствующей идентичности взрослого человека в юном возрасте закладывает основу для формирования тревожных и незрелых аспектов личности в последующей взрослой жизни (неврозы *puer aeternus* и *puella aeterna*). Важнейший момент психического развития, касающийся кризиса середины жизни, связан с фундаментальным изменением установки – от идентичности Эго к идентичности Самости. Если эта трансформация окажется неудачной, вторая половина жизни будет пронизана чувствами неудовлетворенности и горечи, ощущением гибели внутреннего смысла (невроз *senex*). Положительный исход кризиса середины жизни сулит хорошие перспективы для роста творческого потенциала, обретения мудрости и понимания трансцендентных аспектов сознания в преклонном возрасте.

В настоящей книге я описываю три стадии процесса трансформации в середине жизни. Первая стадия связана с безвозвратной утратой и требует расставания с прошлым – прошлыми мечтами, мифами, идеалами, иллюзиями. Их надо оплакать и похоронить. После этого наступает период «подвешенности», неуверенности: возникает множество вопросов, главным из

которых является вопрос о своей прежней идентичности и понимании самого себя. Эту критическую стадию я называю лиминальностью. Важно отметить, что период лиминальности заканчивается нескоро. Попытка преждевременно завершить этот период приводит к прекращению реализации творческого потенциала, заключенного в хаосе, ставит под угрозу его существование и переход к следующему жизненному этапу. В этот период происходит формирование нового мира, а для этого необходимо время. Рождается новая личность, и ей также требуется время для того, чтобы проявить свои особенности и обрести устойчивое положение в жизни. В идеальном случае рядом со странником оказывается добрый спутник, который ведет его через туманные и мглистые болота, через реки и леса. В глубинах бессознательного рождаются сильные и новые черты личности, которые будут иметь существенное значение для будущего.

Трансформация на каждой стадии развития призвана обеспечить максимально возможное для данного индивида раскрытие его личностного потенциала. Индивидуальность необходимо отличать от индивидуализма, который чаще всего предполагает нарциссическое ощущение собственной значимости и отстраненность от ценностей общества и сотрудничества. Индивидуация, означающая непрерывное развитие на протяжении всей жизни, движется по спирали, начиная с зародышевого состояния, когда внутриутробный человек обладает наибольшим потенциалом, к последующему полному и совершенному выражению своего личностного начала в рамках семьи и культуры, в которой он себя обрел. На последующих стадиях личность приобретает более глубокие возможности для своего развития, выходящие за пределы семейного круга, когда личностный микрокосмос открывает для себя более общее в уже обретенном частном. Если цель первой половины жизни состоит в развитии здорового, адекватно адаптированного к культурной и окружающей среде Эго, то цель второй половины жизни заключается в нахождении символического и экзистенциального смысла индивидуального сознания, выходящего за пределы Эго. Трансформация в середине жизни является ключевым моментом в переходе от первой половины жизни ко второй. Она отражает не только кризис Эго, но и возможность появления самостной личности, рождения нового личностного центра в сознании – Самости. То, что укоренится в этот период в личностной истории, даст свои психологические плоды на протяжении всей последующей жизни индивида.

Я рад, что настоящая книга будет издана на русском языке. Огромное удовольствие доставляет мне и знание того, что книга окажется полезной читателям этой огромной страны и, возможно, станет душевным руководством для некоторых из них.

*Мюррей Стайн,
Цюрих, декабрь 2007 г.*

ВВЕДЕНИЕ

Данная работа была впервые представлена на восьминедельном семинаре весной 1980 года в Чикагском центре К. Г. Юнга под названием «Мир Гермеса и переживание лиминальности: размышления о переходном периоде середины жизни». Название слишком громоздко для публикации, но оно все-таки достаточно точно отражает темы, которые я объединил в этой книге.

Книга посвящена середине жизни и тому, что сегодня называется «переходным периодом середины жизни», или, более драматично, «кризисом середины жизни». Информированность людей об этом феномене получила настолько широкое распространение, что при подходе к середине жизни мы почти автоматически начинаем концентрироваться на психологических аспектах этого переломного этапа в жизни человека. Почти каждый из нас ожидает наступления этой болезни и способен сразу ее диагностировать, по крайней мере, в других (если вы думаете, что с вами этого не произойдет). Мы видим, что в среднем возрасте наши друзья и коллеги ведут себя неожиданным образом; мы чувствуем, что при приближении к этому периоду жизни где-то глубоко внутри нас начинается что-то пробуждаться. И тогда мы хотим знать, и это вполне понятно, что с нами происходит и чего нам следует ожидать.

Кризис середины жизни обычно приводит нас к впечатляющему (иногда поразительному) осознанию нашего скрытого безумия. В средние годы у нас совершенно неожиданно и «некстати» возникает психологическое состояние, которое может лишить нас гордости, уверенности в себе и вызвать у нас сомнения в нашем эмоциональном равновесии и психическом здоровье. Кризис середины жизни выворачивает индивидов наизнанку и разрушает их искусно созданные миры. Матери и домохозяйки обнаруживают Пана в своих садах и домах или Диониса в классных комнатах: это фигуры, которые набрасываются на них со всей силой нелепых и влиятельных богов, требующих повиновения. Профессора высматривают на своих семинарах неотразимых русалок и начинают трепетать от вновь обретенного либидо, предвкушая восхитительное душевное наслаждение от общения, – но прежде, чем они успевают это осознать, они уже покидают библиотеку и лабораторию, чтобы вновь стать на путь страсти и приключений. Банкиры, министры, операторы фондовых рынков, матроны, матери – кто следующий бросит плуг и начнет реагировать на немыслимый танец жизни?

Что случилось? В середине жизни, когда мы узнаем, что эмоциональная неразбериха, путаница и ночные кошмары детства и юности оказались спрятанными весьма ненадежно, миф разбивается вдребезги. Психика все еще остается очень живой и активной. Предположение, что «взрослость» представляет собой один длительный устойчивый период постоянного роста (или упадка), базирующийся на твердом фундаменте и неуклонно контролируемый незримым родительским оком, является фрагментом детского представления о взрослости. Это представление коренится в родительском имаго, которое базируется на архетипическом паттерне, отражающем потребность и надежду ребенка на крепкую опору в лице родителей. Если взрослые считают детей полиморфно извращенными (термин Фрейда), то ребенок в каждом из нас хочет видеть совершенно нормального взрослого человека. Однако в средний период жизни происходит взрыв психики и извергающаяся лава образует и преобразует ландшафты нашей психологической жизни.

Причина, по которой это происходит в середине жизни, требует определенного внимания. Предрассудок, получивший распространение во всех областях психотерапии, состоит в том, что в психологической неразберихе взрослой жизни следует винить психологически неполноценное детство. Если бы детство было достаточно полноценным, то и взрослый период жизни был бы безмятежным. Но если бы эта старая психоаналитическая модель развития действительно была бы верна, то в терапевтическом плане или в плане развития после пятилетнего

возраста не оставалось бы ничего, кроме как устранять сделанные прежде ошибки. Последние исследования развеяли этот вымысел и показали, что зрелый возраст имеет для развития такое же значение, что и детство, и подростковый возраст. Человеку еще предстоит многое испытать, пережить кризисы развития, и притом не только после пяти, но и после тридцати пяти, пятидесяти пяти и даже семидесяти пяти лет. (Если средний период жизни теперь открывается для исследования в нашей современной психологии, то изучение преклонного возраста все еще остается неисследованной территорией.) Мы начинаем сознавать, что на всех стадиях жизни мы участвуем в психологическом процессе и что нас внутри постоянно происходят перемены.

В средний период жизни происходит переход от одной психологической идентичности к другой. Самость претерпевает трансформацию. Именно эту внутреннюю деятельность и смысл данного перехода я и исследую на страницах этой книги. Беря в качестве исходного материала психологические события, происходящие в середине жизни, я не пренебрегаю серьезными межличностными и социальными последствиями этих важных событий, возникающими в сокрытых душевных глубинах индивида. С моей точки зрения, середина жизни представляет то время, когда у людей в отношении к жизни и миру происходят фундаментальные изменения, и эти изменения имеют психологическое и религиозное значение, которое выходит за рамки межличностных и социальных отношений. Середина жизни отражает кризис духа. В этом кризисе утрачиваются старые самости и возникают новые.

Многие годы я задавал себе вопрос: что нужно для того, чтобы обратиться к собственной психологии? Что заставляет человека уделять внимание психике, уважать ее силу и дары? Что делает человека «религиозным»? Независимо от того, означает ли в данный момент внимание к психике любовь или ненависть к душе, – в любом случае это означает четкое признание ее существования и деятельности. Итак, что же нужно для того, чтобы достичь такого момента, когда мы, подобно Юнгу, сможем сказать, что психика является нашим самым тяжким проклятием и самым большим богатством? Как возникает эта установка?

Я пришел к выводу, что один из путей к этой установке лежит через психологический «кризис». В момент психологического потрясения мы не можем не видеть, как действует душа. Когда все идет по плану, душа спит, ее сфера теряет четкость и становится столь же неясной, как луна и звезды при ярком солнце. Сновидения и фантазии, другие проявления души существуют, но они улетучиваются как дымка и не имеют значения. Зачем обращать на них внимание? Они только отвлекают нас. Но в темной ночи психологического кризиса, когда дневной свет тускнеет, фигуры психики выступают вперед и обретают иное значение. Сновидения могут поражать, подобно удару молнии, и потрясать нас до глубины души. В такую ночь появляется Гермес и совершает свою работу. Миф о Гермесе повествует о пробуждении и появлении души.

На момент приближения середины жизни человек обычно укореняется в привычных психологических паттернах и уютно устраивается на работе и в семье. Затем внезапно наступает кризис: в один знаменательный день вы просыпаетесь и чувствуете себя обессиленным; атмосфера осознания всего накопленного, всего того, чем вы владеете, вызывает отвращение; приятное молоко достижений скисло; старые формы сотрудничества и деятельности доставляют неприятности. Способность гордиться вашими «трудовыми достижениями» – детьми, имуществом, должностными полномочиями, успехами – оказалась похищенной, и у вас остался вопрос: что же произошло прошедшей ночью? Куда все исчезло?

Прошедшей ночью Гермес похитил скот Аполлона. (Теперь я обращаюсь к мифу о Гермесе в том виде, как он рассказан в *Гимне Гермесу* Гомера.) Старший бог-брат, Аполлон, удивлен и разгневан. Но он собирается вернуть скот и потому, испытывая гнев и разочарование, приступает к поиску похитителя и утраченного сокровища. Это первый акт драмы, которая происходит в середине жизни: «Почему ты думаешь, что я это потерял? Я это верну».

Но Аполлону никогда не удастся это сделать. Второй акт начинается в пещере Гермеса, где этот маленький, но уже искусный похититель с невинным видом возлежит подле своей матери. Проходя по следам похитителя вашего либидо, поворачивая назад и погружаясь в темноту бессознательного, вы находите в себе жилище этого обитателя пещер. Вас обокрало хитрое и коварное новорожденное дитя, которое похитило ваше сокровище и положило вас на лопатки.

Во втором акте этой драмы середины жизни Гермес пробуждает ото сна душу и уносит все, что от нее осталось. В этот период психологических потрясений и неурядиц наши связи с родителями, обществом, друзьями и коллегами изнашиваются и рвутся. Нам нет до этого дела – нам нужна свобода, глубина и смысл. Пробуждается психика.

Выглядывая из своей детской кровати, Гермес делает вид, что он невиновен. Вор, но и изобретатель, Гермес представляет силу, с которой надо считаться. Он собирается отвоевать себе место на Олимпе, завоевать для себя и своей матери славу и богатство. Он требует только полного признания его права по рождению: он сын Зевса. Гермес появляется как проклятие, но он же дарует изобретения и доставляет удовольствие. Для всех он – незаконнорожденное дитя и угроза установленному порядку. В середине жизни душа, при поддержке этой новой отступнической изобретательной силы, отстаивает свои права и требует внимания.

Гермеса, как и душу в середине жизни, невозможно контейнировать. Душа, подобно Гермесу, ускользает из любых оков и требует к себе внимания, любви и уважения. В то же время душа опасна из-за своей настойчивости и решимости жить достойно и добиться заслуженной славы. В этой книге я не предлагаю решений относительно кризиса середины жизни и не даю никаких конкретных рецептов по преодолению пугающих сил, которые иногда приводятся в действие этим кризисом. Я могу только рекомендовать путь вхождения в сферу действия психики и прохождения через нее. Из мифа известно, что конфликт между Аполлоном (старшим признанным братом) и Гермесом (выскочкой, незаконнорожденным братом) возникает при обмене подарками. В конечном счете, Аполлон может получить свой скот, но теперь не хочет этого. Вместо него он получает изобретение Гермеса – лиру. Я не могу определить, что будет для вас даром души в середине жизни. Можно только предположить, что он будет принят. Этот обмен составляет третий акт драмы середины жизни.

Даром для Аполлона была музыка, и эта Гермесова игрушка стала для него, как бога, самым важным и исключительным атрибутом. Когда душа пробуждается в середине жизни и предлагает свои дары, их принятие или отказ от них имеют решающее значение. Если дары принимаются, они становятся критерием вашей жизни, ядром вашей уникальности. Если дары не принимаются, они не будут давать вам покоя всю вашу жизнь и могут подорвать все ваши усилия.

Гермес – бог странников, границ и пограничных ситуаций, посланник между разными сферами; бог переходов от одной формы существования к другой, от жизни к смерти и от смерти к жизни, который в алхимии становится владыкой трансформаций. Именно к нему я буду обращаться в следующей Одиссее в поисках указаний для продвижения в нашем странствии, которое начинается в середине жизни. В этот критический период жизни Гермес может стать нашим спутником на дорогах, которые появляются из ниоткуда и могут никуда не привести. Может случиться и так, что у нас не будет иного выбора, как позволить Гермесу, проводнику душ, стать и нашим проводником.

Глава 1

ГЕРМЕС – ПРОВОДНИК ДУШ НА СТАДИИ ЛИМИНАЛЬНОСТИ

*Тот, кто уверенно движется в этом мире дорог, избирает Гермеса
в качестве своего бога.*

Кереньи

Поскольку греческий бог Гермес является ведущей фигурой в психологических драмах, которые исследуются во всех разделах этой книги, уместно начать со знакомства с ним и показать его связь с одной из центральных тем этих размышлений – переживанием психологической лиминальности. Присутствие и роль архетипического бессознательного в переходные периоды является центральной темой этой книги, и Гермес являет собой фигуру, олицетворяющую это присутствие. Как и Данте, избравший Вергилия своим проводником, мы возьмем Гермеса в качестве проводника при входе и выходе из сферы переживаний, связанных с переходной стадией середины жизни и адом лиминального существования.

В этой главе я лишь вскользь затрагиваю середину жизни как таковую, в ее хронологическом аспекте, потому что наша основная цель – это показать связь Гермеса с лиминальностью и положить начало обсуждению архетипических аспектов переходной стадии середины жизни и переживания лиминальности.

Гермес, бог границ и пересечения границ, бог дорог по суше и морю, бог таких культурных пространств, как рынки и базары, где совершаются сомнительные сделки, представляет собой тип сознания, существующего исключительно в переходном времени и в переходном пространстве. Гермес – бог переходов, и переходы всегда совершаются через какой-то барьер. «Мир Гермеса», как называет Кереньи этот архетип, представляет собой «существование в потоке» (Kerenyi, 1976, p. 12), и это еще одно определение переживания лиминальности. Один из эпитетов Гермеса – *stropheus*, т. е. петля, на которой вращается дверь; Гермес *фиксирован* в лиминальности, и мир Гермеса – это существование в состоянии лиминальности.

Термин «лиминальность» постоянно используется в книге, поэтому, прежде чем приступить к обсуждению главных вопросов, скажу несколько слов о его происхождении.

Английское слово «лиминальность» (liminality) происходит от латинского *лишен* (*limen*), означающего «дверной проем» или «порог». Входя в помещение или выходя из него, мы пересекаем *лишен* и, задержавшись в этом пограничном пространстве хотя бы на полсекунды, оказываемся в зоне лиминальности.

Этот латинский корень проник в психологию, где он используется для обозначения порога между сознанием и бессознательным. Поэтому термин «сублиминальный» (подпороговый) относится к той психологической области, которая находится ниже порога сознательного восприятия. При засыпании и пробуждении происходит пересечение этого порога, и в этом сумеречном состоянии между засыпанием и пробуждением как раз и находится зона лиминальности.

В наших размышлениях о переходной стадии середины жизни и переживании лиминальности Гермес фигурирует как мифический, архетипический фон. Но более, чем интуитивный и перспективный фон, этот архетип, представленный греческим богом Гермесом, отражает ощущаемое присутствие бессознательного *каждый раз, когда* жизнь ввергает нас в переходное состояние. Лиминальность запускает его в действие. Таким образом, когда мы оказываемся в лиминальности, мы так или иначе ощущаем присутствие Гермеса. Поэтому мои исследования сводятся к регистрации такого присутствия и изучению того, как надо вести себя при столь

неоднозначном и часто пугающем переживании существования между устойчивыми психологическими структурами и идентификациями.

В состоянии, которое я называю психологической лиминальностью, ощущение идентичности индивида оказывается подвешенным, диффузным, туманным, не вполне ясным. Вы перестаете фиксироваться на определенных ментальных образах и содержаниях – своих или чужих. «Я» вовлекается в область, которую оно не может контролировать и когнитивные и поведенческие паттерны которой оно не признает «своими». Хотя ощущение «Я» и некоторой его непрерывности и присутствует на стадии лиминальности, преобладающими являются ощущения отчуждения, предельности и смещения. Появляются важные вопросы, связанные с тем, что есть «Я», на что оно способно, откуда оно взялось и куда направляется. Когда «Я» становится бездомным, как в состоянии лиминальности, эти гностические вопросы приобретают особую актуальность и, что вполне естественно, проникают в религиозную сферу мыслей и чувств, которая в других обстоятельствах часто оказывается закрытой.

В лиминальности позиция «Я» не фиксирована, оно не занимает четко определенного психологического положения. Оно плавает; нет жесткого разграничения между «это» и «не то»; границы между «Я» и «не-Я» становятся менее определенными и сближаются значительно больше, чем в периоды фиксированной психологической идентичности. Это есть нечто состоявшееся и еще не состоявшееся. Время деформируется: Это забывает, фиксированные грани памяти размываются и тускнеют, прошлое выступает удивительным и странным образом; будущее не имеет определенного образа или контура. «Я» не привязано к определенным внутренним образам, идеям или чувствам. Поэтому, будучи непривязанным, «Я» плавает, дрейфует и пересекает многие прежние границы и запретные кордоны.

Кроме того, лиминальность характеризуется необычной степенью уязвимости по отношению к внезапным эмоциональным «порывам», возникающим либо изнутри, либо снаружи, к резким переменам настроения, эмоционально накаленным образам и чувствам, внезапным обретениям и потерям доверия. Внутренняя основа смещается, и, поскольку она становится неустойчивой, человек легко поддается внешнему влиянию и давлению. Когда человек находится в лиминальном состоянии, то неожиданное событие производит на него более глубокое впечатление, чем в нормальном состоянии, как в случае импринтинга. В лиминальном состоянии человек более податлив, чем в других обстоятельствах, поэтому он может оставаться под воздействием этого импринтинга всю оставшуюся жизнь.

Это краткое описание психологической лиминальности возвращает нас к уже сделанному замечанию, что в подобном состоянии присутствует Гермес. Поскольку лиминальность является сферой Гермеса, его появление в ней не должно быть неожиданным, но оно всегда вызывает удивление.

Рассказ о Приаме, царе осажденной Трои, помогает раскрыть идею о том, что в лиминальности присутствует Гермес. В двадцать четвертой песне «Илиады» повествуется о том, как Приам, старый отец недавно убитого троянского героя Гектора, ночью покидает укрепления Трои и медленно пробирается по опасной безлюдной местности к лагерю ахейцев, где он надеется найти тело своего сына.

В начале этой песни, завершающей эпическую поэму, описывается финал атлетических игр, которые были устроены на похоронах Патрокла, греческого героя и друга Ахиллеса. Ахиллес уже отомстил троянцам, сразив Гектора, который убил Патрокла, и проволочив труп Гектора позади своей колесницы по полю битвы перед взорами потрясенных зрителей, стоявших на стенах Трои. К этому времени греки уже закончили состязания в играх; погребальный костер был зажжен; стенания по Патроклу утихли: «Сонм распушен; и народ по своим кораблям быстролетным весь рассеялся; каждый спешил укрепиться под сенью пищи вечерней и сладостным сном. Но Пелид неутешный плакал, о друге еще вспоминая; к нему не касался все

усмиряющий сон» (XXIV: 1–5).¹ И тогда он запрягает в колесницу коней и волочит привязанный сзади труп Гектора вокруг могильного холма своего друга.

Я считаю начало XXIV песни «Илиады» классическим выражением состояния лиминальности. Оно возникает во время войны, а военное время само выступает в качестве лиминального для всех, кроме разве самых искушенных солдат. Но этот момент в «Илиаде» отличается особенной лиминальностью, так как он наступает после кульминации действия и приходится на спад развития событий, на момент оплакивания потерь, вызванных непредсказуемой яростью войны. Битвы в эпической поэме, как и героические игры, закончились; похоронный обряд тщательно выполнен; теперь начинается жизнь без погибших героев – Патрокла и Гектора. Ахейцы и троянцы вступили в период интенсивной лиминальности. Но троянцам еще предстоит похоронить своего мертвого героя – Гектора.

В психологическом отношении утрата такого масштаба означает потерю героического защитного механизма. Она вовлекает психику в лиминальность, которая переживается еще более тяжело из-за печали по утраченному прошлому. Лиминальность появляется в тех случаях, когда Эго более не способно полностью идентифицировать себя со своим прежним образом, который оно сформировало посредством избирательных прикреплений к определенным внутренним имаго и воплотило в определенных принятых и выполненных ролях. Оно было встроено в контекст, созданный и поддерживаемый архетипическим паттерном самостной организации, и теперь, поскольку эта матрица распалась, появилось ощущение отсеченного прошлого и неясного будущего. Хотя это Эго оказывается в подвешенном состоянии, оно еще помнит призрак прежней самости, чей дом был наполнен людьми и предметами, которых теперь уже нет, и психологический ландшафт стал пустынным и необитаемым без них. Возможно также, что существует память о статусе, безоговорочном превосходстве множества отважных защитников этой сферы. Но теперь все обстоит иначе, и поэтому я обращаюсь к Приаму, царю Трои и отцу убитого героя Гектора, ибо именно Приаму является Гермес. Рассмотрим причины.

В поэме Гомера говорится, что боги были огорчены поступком Ахиллеса. Он протаскил труп Гектора за колесницей, настолько велика была его жажда мести, и этот поступок был отвратительным. В тексте сказано, что при виде этой сцены «жалость объяла бессмертных, на оное с неба взиравших; тело похитить зоркого Гермеса все убеждали» (XXIV: 23–24). *Естественно*, они обратились к архетипическому вору, Гермесу, с просьбой вмешаться и похитить труп Гектора.

Поднимая этот текст до уровня психологического инсайта, мы можем утверждать, что бессознательное в своих архетипических глубинах – сфере богов – отягощается и нарушается ситуацией, которая сложилась в сфере бессознательного отчасти из-за его собственного влияния и вмешательства. (Боги принимали достаточно активное участие в сражении на поле дел человеческих.) Это состояние отягощенности и огорчения вызывает реакцию, компенсаторное действие со стороны бессознательного. При внимательном психологическом исследовании этого текста мы замечаем, что компенсаторное действие со стороны богов начинается с послания или, скорее, серии посланий: вначале посланница Ирида направляется к Фетиде, матери Ахиллеса; затем Фетида направляется к сыну; наконец, Гермес направляется к Приаму. В итоге закулисных маневров Зевс посредством отправки этих сообщений дает возможность Приаму вернуть труп Гектора, и Гермес играет в этом решающую роль, выполняя несколько функций: посланника, проводника и волшебника.

Гермес должен появиться перед Приамом – фигурой, обобщающей в целом пафос Трои. Внезапная и неожиданная смерть Гектора ввергла всю Трои в состояние лиминальности. Ее граждане признают, что грядут драматические перемены. Война, в которой они с ожесточе-

¹ Гомер. Илиада. Пер. Н. И. Гнедича.

нием сражались десять лет, теперь кажется им не чем иным, как затянувшимся поражением, которое готово закончиться жестокими разграблениями. И процессию родственников и плакальчиков вдоль разрушенных стен Трои ведет Приам, престарелый царь, некогда гордый отец утасяющего рода героев. В этой скорбной ситуации к нему приходит Гермес, и это одно из самых известных событий во всей греческой истории.

Гермес появляется во всех формах лиминальности – от малых до больших: в микро- или мини-эпизодах лиминальности (неожиданное наступление темноты в полдень), в макро-эпизодах, или периодах пограничного перехода. Эти же типы лиминальности соответствуют важному различию между микроизменениями установки индивидов и макроизменениями в их личностных структурах. Микроизменения происходят в ежедневных и ежечасных малых корректировках психического равновесия. Они обусловлены относительно малозначимыми компенсациями из сферы бессознательного, которые помогают нам приспосабливаться и продвигаться по жизни, совершенствуют и поддерживают в рабочем состоянии наши защитные механизмы. С микроизменениями связаны моменты, возможно мгновения, лиминальности. С другой стороны, макроизменение происходит в течение более длительного времени, зачастую – многих лет, когда совершаются основные установочные и типологические сдвиги и происходит распад базисных психологических структур. Архетипические паттерны самостной организации настолько глубоко реформируются, что происходит определенная трансформация личности. Значительная часть этого периода окрашена переживанием психологической лиминальности.

Образы города, доставшегося врагам, и престарелого царя, который стоит у могилы и лишен наследника, способного заменить его, символизируют наступление периода макроизменения. И это изменение, алхимической параллелью которого является смерть и исчезновение старого царя, происходит на стадии лиминальности. Поэтому мы видим царя Приама в начале этой критической стадии трансформации: Троя скоро падет; ее могучий защитник Гектор мертв; ее жители боятся неопределенного будущего. Настало время почтить, оплакать и достойно похоронить умершего.

Боги вмешиваются, чтобы достойно похоронить тело Гектора и тем самым успокоить его душу. Выбор падает на Гермеса. Поскольку одна из функций Гермеса – провожать души умерших в подземный мир, он вполне подходит для этой ситуации. Надо отметить, что боги не хотят оживлять Гектора или возвращать его в мир живых, поэтому их вмешательство не является компенсаторным исполнением желания. Гермеса направляют не для того, чтобы помочь охваченному горем Приаму избежать лиминальности, сопутствующей трагедии, а чтобы помочь ему аккуратнее и глубже войти в нее. Бессознательное действительно помогает Эго примириться с глубоким трансформативным изменением, но Гермес помогает и в телеологическом смысле: он ведет продвигающееся ощущение Эго по пути к более глубокой лиминальности. В конечном счете эта помощь позволяет принять смерть и разлуку с прежними героическими идентификациями и защитными механизмами и готовит Эго к следующей стадии индивидуации.

В последующих главах будет детализирована роль Гермеса как проводника душ, но вначале предметом рефлексивного рассмотрения является его роль как посланника. В «Илиаде» эту роль выполняет также Ирида – быстроногая богиня радуги. Размышляя о переходной стадии середины жизни, а также о мире Гермеса и лиминальности, мы будем рассматривать ее и Гермеса как проявления одного бессознательного психологического фактора. При этом необходимо идентифицировать и обсудить функцию отправки посланий бессознательного в этот переходный период середины жизни и его лиминальность. В лиминальности присутствует Гермес, поначалу в качестве посланца архетипического бессознательного.

Когда Ирида приближается с посланием к дому Приама, мы впервые в этой песне видим горящего царя:

«[Зевс] рек, – и с небес устремилась подобная вихрям Ирида;
К дому Приама сошла; и нашла там вопль и рыдanie.
Окрест отца все сыны, на дворе пред хоромами сидя,
Токами слез обливали одежды; в середине их старец,
Ризой покрытый, лежал, обвивающей все его тело;
Выю и голову персть покрывала державного старца,
Коею сам он себя, пресмыкался в прахе, осыпал.
Дщери его и невестки, в домах своих сидя, рыдали,
Тех поминая и многих и сильных защитников царства,
Кои уже под руками ахейскими предали души.
Быстрая вестница Зевса, приближаясь тихо к Приаму.
Голосом тихим (но трепет объял Дарданидовы члены)
Так говорила: "Дерзай, Дарданид, и меня не страшися!
Я для тебя не зловещей ныне схожу от Олимпа,
Нет, но душой доброхотная вестница Зевса тебе я:
Он о тебе, и далекий, душою болит и печется.
Выкупить Гектора тело тебе он велит, Олимпиец.
Шествуй, неси и дары, чтоб смягчить Ахиллесово сердце;
Но да никто из троян не сопутствует, шествуй один ты;
Токмо глашатай старейший да будет с тобой, чтобы править
Месками в быстром возу и вспять из ахейского стана
Мертвого ввезть в Илион, убиенного сильным Пелидом.
Мысль же о смерти, ни страх тебе да не взыдет на сердце:
Спутник такой за тобою последует, Гермес бессмертный;
Гермес пойдет и проводит, пока не приблизит к Пелиду;
И, когда он тебя представит пред очи героя,
Рук на тебя не подымет Пелид, ни других не допустит:
Он ни безумен, ни нагл, ни обыкший к грехам нечестивец;
Он навсегда милосердо молящего милует мужа".
Так говоря, отлетела подобная вихрям Ирида».

(XXIV: 158–188)

Ясно, что послание в целом должно ободрить Приама. Не останавливаясь подробно на содержании этого послания, зададим вопрос: какое значение оно имеет для нашей темы – психологического переживания перехода в середине жизни? Это послание исходит из архетипических слоев бессознательного и сводится к тому моменту, который можно определить как критическое начало долгого периода интенсивной лиминальности. Аналогичной интервенцией в современной жизни является случай архетипического сновидения на начальном отрезке протяженного периода психологического распада – времени, для которого характерны, в основном, ощущения утраты, горя, скорби.

Из текста становится ясно, почему послание приходит именно в этот момент: боги огорчены. Архетипические фигуры бессознательного обеспокоены ситуацией, которая складывается в бессознательном, и потому они приводят в действие компенсирующую цепочку событий. Они должны стимулировать процесс оплакивания, позволить Эго преодолеть потерю, успокоив призрак мертвого. Если рассматривать послание в перспективе, то это начало процесса, открывающего путь в ту область, где Гермес сможет действовать как проводник. Это послание является первым этапом разворачивающейся последовательности, которая приводит к акту захоронения.

Предположение о том, что Гермес появится в момент вашего вступления в сферу лиминальности, порождает вопрос: а *как* он появится? Каким образом придет к вам Гермес? Прибытие посланца вызывает у Приамачувство жути: «дрожь охватила его тело». Отто считает, что в этом и состоит ответ: «Зловещее водительство всегда составляет суть деятельности [Гермеса]» (Otto, 1979, p. 112). Как же это «зловещее водительство» исходит из бессознательного, когда вы входите в сферу напряженной лиминальности?

Текст «Илиады» дает некоторые указания для размышления об этом вопросе. Когда Приам получает от Ириды весть и начинает действовать в соответствии с ней, поэт описывает два уровня действий, совершающихся одновременно: один – уровень человеческих поступков, другой – уровень божественного (архетипического) деяния:

«С живостью старец взошел в колесницу свою и немедля
Коней погнал от преддверья и гулких навесов крылечных.
Мески пошли впереди под повозкой четырехколесной
(Ими Идей управлял, благомысленный вестник); а сзади
Борзые кони, которых бичом Дарданид престарелый
Гнал через город; его провожали все близкие сердцу,
Плача по нем неутешно, как будто на смерть отходящем.
Скоро, из замка спустясь, они очутились в поле;
Все провожавшие их возвратились печальные в Трою,
Дети и сродники. Сами ж они не сокрылись от Зевса:
В поле увидел он их и исполнился милости к старцу;
И к любезному сыну, к Гермесу, так возгласил он:
"Сын мой, Гермес! Тебе от богов наипаче приятно
В дружбу вступать с человеком; ты внемлешь, кому пожелаешь.
Шествуй и Трои царя к кораблям быстролетным ахеян
Так проводи, да никто не узрит и никто не узнает
Старца в ахейских дружинах, доколе к Пелиду не придет".
Так произнес – и ему повинуется Гермес посланник:
Под ноги вяжет прекрасную обувь, плесницы златые,
Вечные; бога они и над влажною носят водою,
И над землею беспредельною, быстро, с дыханием ветра;
Жезл берет он, которым у смертных, по воле всесильной,
Сном смыкает он очи или отверзает у спящих;
Жезл сей прияв, устремляется аргоубийца могучий.
Скоро он к граду троян и к зыбям Геллеспонта принеся;
Полею пошел, благородному юноше видом подобный,
Первой брадой опушенному, коего младость прелестна».

(XXIV: 322–348)

Таким образом происходит подготовка сближения двух направлений действия: одного – на человеческом уровне, другого – на божественном, и вот как это выглядит для человеческого деятеля, царя Приама:

«Путники вскоре, проехав великую Ила могилу
Коней и месков своих удержали, чтобы напоить их
В светлой реке; тогда уже сумрак спускался на землю.
Тут, оглянувшись, Гермеса вестник Идей прозорливый
Близко увидел, и так возгласил к Дарданиду владыке:

"Взглянь, Дарданид! осторожного разума требует дело:
Мужа я вижу; и мнится мне, нас он убить умышляет!
Должно бежать; на конях мы ускачем; или, подошедши,
Ноги ему мы обнимем и будем молить о пощаде!"
Рек он, – и старцево сердце смутилось; он ужаснулся;
Дыбом власы у него поднялись на сгорбленном теле;
Он цепenea стоял».

(XXIV: 349–360)

При сближении этих двух направлений действия Приам вновь испытывает «жуткое» ощущение. Повстречавшаяся ему фигура – «благородный юноша, первой брадой опушенный, коего младость прелестна» (XXIV: 347–348) – символична; она служит связующим звеном с архетипическим фоном, и именно это придает данному моменту жуткое впечатление. Психику волнует нечто большее, чем то, что проявляется на поверхности. Вот как появляется Гермес при случайной встрече: как фигура, чье присутствие вызывает ужас, словно эта фигура символизирует присутствие значительно большего масштаба. Здесь пересекаются два вектора: один – представляющий интенциональность Эго, другой – источник интенции в архетипической сфере. Это момент неожиданной удачи, *фортуны*. В отрывке о Гермесе Отто пишет:

«От него [т. е. от Гермеса] получают прибыль, тщательно рассчитанную или совершенно неожиданную, но в основном последнюю. Такова его истинная сущность. Если кто-то находит на дороге драгоценности, если кому-нибудь неожиданно повезло, он, благодарит Гермеса... благоприятный момент и выгодное его использование занимают столь важное место, что даже воры могли бы считать себя его особыми протеже».

(*Otto, 1979, p. 108*)

Присутствие Гермеса – это неожиданная прибыль, удача, но также в немалой степени – и элемент страха, чувство жути.

Достаточно обоснованно можно сказать, что греки называли переживание синхронии «Гермесом». Гермес персонифицирует синхронийный момент. Но следует добавить и то, что классически его появление происходит в сумерках или ночью, в лиминальном пространстве и лиминальное время. Или же, наоборот: его присутствие вызывает появление сумерек и ощущение вневременности. Он появляется как легкая, но жуткая тень:

«Эриуний приблизился к старцу,
Ласково за руку взял и вещал, вопрошая, Приама:
"Близко ль, далеко ль, отец, направляешь ты коней и месков,
В час усладительной ночи, как смертные все почивают?
Иль не страшишься убийствами дышащих, гордых данаев,
Кои так близко стоят, неприязненны вам и свирепы?
Если тебя кто увидит под быстрыми мраками ночи,
Столько сокровищ везущего, что твое мужество будет?
Сам ты не молод, и старец такой же тебя провожает.
Как защитишься от первого, кто лишь обидеть захочет?
Я ж не тебя оскорблю, но готов от тебя и другого
Сам отразить: моему ты родителю, старец, подобен!"
Гермесу бодро отвечив старец Приам боговидный:
"Все справедливо, любезнейший сын мой, что ты говоришь мне;
Но еще и меня хранит покровительной дланью

Бог, который дает мне такого спутника встретить,
Счастья примету, тебя, красотой и образом дивный,
Редким умом одаренный; блаженных родителей сын ты!"»

(XXIV: 360–377)

Ассоциация Гермеса с ночным временем придает дополнительный масштаб его идентичности как «пограничного человека». В одном из самых известных отрывков о Гермесе, вышедших когда-либо из-под пера ученого-классика, Уолтер Отто дает яркое описание некоторых тонких особенностей лиминальности:

«... чудесное и таинственное, характерное для ночи, может также появляться днем как неожиданное наступление темноты или загадочная улыбка. Эта увиденная днем тайна ночи, волшебная темнота при ярком солнечном свете, есть сфера Гермеса, которого в последующие века магия почитала своим владыкой. В обычной жизни это проявляется в поразительной тишине, которая может наступить в середине оживленной беседы; в такие моменты говорят, что Гермес вошел в комнату... Этот странный момент мог означать неудачу или дружеское предложение, замечательное и счастливое совпадение.

(*Otto, 1979, p. 117–118*)

Приведенное Отто замечательное описание ночного сознания отражает также и сознание Гермеса, которое чувствует себя как дома в этом лиминальном мире двусмысленности и нечетких границ ночного времени:

«Человек, который бодрствует в открытом поле ночью или бродит тихими тропами, воспринимает мир не так, как днем. Исчезает близость, а с ней и удаленность; все становится в равной степени далеким и близким, близким к нам и в то же время таинственным образом удаленным. Пространство теряет свои размеры. Слышны звуки и шорохи, и мы не знаем, где они звучат или что означают. Наши чувства становятся какими-то неясными. Глубоко личное и дорогое становится странным, пугающее – привлекательно чарующим. Теряется различие между безжизненным и живым, все становится живым и бездушным, бодрствующим и спящим одновременно. То, что день постепенно делает видимым и узнаваемым, появляется из темноты внезапно. Как по мановению волшебной палочки происходит неожиданная встреча. Что же мы вдруг видим – околдованную невесту, чудовище или бревно? Все дразнит путешественника, становится знакомым и в следующий момент совершенно незнакомым, внезапно пугает неожиданными движениями и тотчас принимает знакомый и невинный вид.

Везде таится опасность. Рядом с путешественником из ночи появляются темные челюсти, в любой момент без предупреждения может появиться разбойник, или что-нибудь зловещее, или страшный призрак мертвеца. Кто знает, что некогда случилось в этом месте? Быть может, зловещие призраки тумана стараются сбить человека с правильного пути, увести его в пустыню, где обитает ужас, где распутные ведьмы водят свой хоровод и откуда ни один человек не выходит живым. Кто в этом случае защитит путника, покажет ему правильную дорогу, даст добрый совет? Не иначе, как сам дух ночи, гений ее доброты, ее очарования, ее изобретательности, ее глубокой мудрости. Она поистине мать всех тайн. Усталых она окутывает сном, освобождает от забот, вызывает игру сновидений вокруг их душ. Ее покровительством

пользуются несчастные, преследуемые и коварные, которым ее двусмысленные тени предлагают тысячи средств и ухищрений. Своим покровом она окутывает возлюбленных, и ее темнота скрывает все ласки, все тайные и явные чары. Подлинным языком ее тайны является музыка – чарующий голос, который звучит для закрытых глаз и в котором становятся понятными земля и небо, близкое и далекое, человек и природа, настоящее и прошлое.

Но мрак ночи, который сладостно навевает дремоту, дарует также бдительность и озарение духа. Она делает его более восприимчивым, проницательным и деятельным. Знания вспыхивают или летят, как падающая звезда, – редкие, драгоценные, даже волшебные знания.

И поэтому ночь, которая может напугать или сбить с пути одинокого путника, может оказаться его другом, помощником, советчиком».

(Otto, 1979, p. 118–120)

В таком случае ночное время, этот богатый и стимулирующий символ лиминальности, является неотъемлемым элементом Гермеса, контекстом, в котором он появляется и который он вызывает при своем появлении.

В заключительной части этой главы я хочу повторить некоторые из вопросов, поставленных на предыдущих страницах, и обобщить некоторые рассуждения. Если говорить, что Гермес присутствует в то время, когда мы пребываем в лиминальности, то что это означает в свете современной психологии и психологического опыта? Что мы ищем, отыскивая его присутствие? Как мы узнаем Гермеса в рамках переживания лиминальности? Кем или чем является Гермес?

Лиминальность, обитель Гермеса, появляется в тех случаях, когда Эго расстается с фиксированным ощущением того, кем оно является и кем оно было, ощущением его происхождения и истории, ощущением его пути и его будущего; когда Эго плывет по неопределенным пространствам с ощущением неограниченного времени, по территории с неясными границами и неопределенными пределами; когда Эго дисидентифицируется с внутренними образами, которые оно прежде хранило и которым придавало ощущение цели. Тогда в архетипических слоях бессознательного возникает беспокойство и самость констеллируется, чтобы отправлять послания: значимые сновидения, яркие и сильные интуитивные прозрения, фантазии, синхронийные и символические события. Эти послания предназначаются для того, чтобы вести Эго вперед, и это водительство помогает ему делать то, что оно должно делать, будь то дальнейшее вхождение в лиминальность или последующий выход из нее. (Гермес, как позднее будет подробно описано, приводит душу в подземный мир – один из самых радикальных символов лиминальности в греческом мифе – и выводит ее оттуда). Строго говоря, лиминальность представляет психологическую область, где путешественника ожидает Гермес как посланник и проводник. Поэтому на вопрос: «Кто или что является нам в виде Гермеса, когда мы пребываем в лиминальности?» – я бы ответил так: архетипическая самость в виде посланника и проводника.

Глава 2

ПОХОРОНЫ МЕРТВЫХ: ВСТУПЛЕНИЕ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД СЕРЕДИНЫ ЖИЗНИ

*Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу,
Утратив правый путь во тьме долины.*

Данте

Середина жизни представляет собой время, когда люди часто оказываются в подвешенном состоянии и теряют опору в устойчивом социально-психологическом мире. Они производят множество самых разнообразных и радикальных изменений, съезжают с насиженных мест, скитаются по земле в поисках чего-то, но чего? Приведенные строки из «Ада» Данте отражают состояние ума, которое овладевает людьми в середине жизни, когда они оказываются на территории, кажущейся мрачной и пустынной, не имеющей никаких ориентиров. Для многих это поистине темная ночь души, спад в области чувствования и переживания, который происходит совершенно неожиданно и без всякой просьбы с нашей стороны. Середина жизни настигает нас сама – мы этого не просили.

Все знают о том, что середина жизни часто бывает беспокойным периодом в жизни человека, это ни для кого не новость, но, тем не менее, трудности этого периода нередко поражают нас своей интенсивностью и характером. Ведь мы не думали, что это произойдет с нами. Мы почему-то не ожидали, что после тридцати пяти или сорока лет жизнь так обернется. И одну из ее самых интенсивных и поразительных особенностей я называю переживанием лиминальности. Это переживание является основным элементом всех переходных периодов жизни, и его мощное проявление в середине жизни характеризует этот период как интенсивно переходный.

В предыдущей главе я отметил несколько способов, которыми мир Гермеса формирует архетипический фон обычного человеческого переживания лиминальности. Будучи центром этого мира, Гермес представляет тип сознания, полностью освоившегося в лиминальном пространстве и времени. Размышлял я также и о том, насколько осязаемо проявляется бессознательное в виде жутких символических событий или фигур, синхронии, сновидений и интуитивных знаний, а также о том, что оно безошибочно приводит человека к первой основной задаче предстоящего долгого переходного периода – похоронам утраченного и оплакиваемого прежнего образа идентичности и безопасности.

Основной темой этой главы является *расставание* – первая стадия длительного процесса психологического изменения, которое происходит в середине жизни. Я собираюсь максимально обобщить последствия этой стадии и выйти за пределы банального наблюдения, что в среднем возрасте мужчины и женщины часто испытывают тревогу и страдание, видя, как от них уходит молодость. Эта стадия переходного периода середины жизни отличается глубиной и сложностью и совсем не ограничивается простым расставанием с красотой и привлекательностью молодости. Неправильное понимание периода середины жизни как кризиса в использовании косметических средств является защитой от гораздо более серьезных тревог.

При наступлении переходного периода, постепенном или внезапном, людей обычно охватывает ощущение утраты со всеми сопутствующими эмоциями – унынием, ностальгией и неясной печалью о ком-то отсутствующем, со все возрастающим ощущением ограниченности жизни, приступами паники по поводу своей смерти и попытками рационализации и отрица-

ния. Иногда причина этого ощущения бывает очевидной: смерть детей или родителей, развод, крах карьеры. Но довольно часто непосредственная причина этой начальной стадии переходного периода с сопутствующими эмоциональными проявлениями оказывается вовсе не очевидной. Но даже когда причина кажется явной, человек нередко продолжает энергично и тщетно искать другую, более глубокую причину этого душевного страдания, так как признание явной причины не устраняет источника страданий. Вследствие глубинной бессознательности этого источника его очень трудно найти, и поэтому человек не может добраться до него, чтобы устранить свою тревогу.

Фундаментальной причиной этого душевного страдания является расставание, и связанная с ним тревога является одним из видов тревоги расставания. Но расставание с чем? Если оно не связано с уходом детей, крушением карьеры, смертью родителей или разводом супругов, то с чем тогда происходит расставание? Прежде, чем похоронить этот труп, человек должен найти его. Точную и глубочайшую причину ощущения утраты необходимо определить до того, как произнести целительные слова молитвы над ней.

Поиски этого «трупа», по крайней мере, отчасти привели к написанию большого количества работ по переходному периоду середины жизни. Проблемы середины жизни и ее кризисов привлекают к себе особенное внимание в последние два десятилетия. Социологи и психологи начали подробно изучать этот переходный период, а авторы популярных книг и статей превратили эту тему в источник прибыли. Эта тема пользуется спросом, так как существует потребность знать, что происходит и что идет неправильным путем в этот период психологического потрясения и беспорядка.

Переходный период середины жизни обычно длится несколько лет и приходится на отрезок жизни где-то в возрасте от тридцати пяти до пятидесяти лет (обычно около сорока, по Левинсону). Большинство ученых отмечают некоторые характерные особенности этого периода: длительные настроения апатии и депрессии, чувства крушения иллюзий и разочарования либо в жизни вообще, либо в определенных людях, которые ранее идеализировались; мечты молодости исчезают или грубо разрушаются; тревога по поводу смерти вкрадывается в душу, и люди часто говорят, что жизнь их кончится раньше, чем удастся «по-настоящему пожить»; человек начинает физически проявлять признаки старения, и поэтому его прежнее представление о себе начинает разрушаться и изменяться. Родители в это время либо умирают, либо становятся материально зависимыми от детей, тем самым утрачивая прежние роли и лишая детей иллюзий по поводу собственного бессмертия. Дети сами могут уйти от родителей и начать жить своей собственной жизнью, и это угрожает им переменами, утратой любви и комфортных иллюзий всемогущества.

Под воздействием этих настроений и опасности свалиться в яму, оказавшуюся у нас на пути, происходит глубокое реструктурирование интрапсихической матрицы личности, о котором свидетельствуют не только сновидения, но и такие психологические феномены, как видения, повторяющиеся фантазии и интуиции, которые являются не чем иным, как неясными и трудными для понимания посланиями из сферы бессознательного. Юнг сам пережил переходный период середины жизни как напряженно эмоциональный поворотный пункт, назвав его «встречей с бессознательным» (Jung, 1961, p. 170–199).² Стадии и уровни этого периода он обобщил в одной из своих ключевых психологических работ: «Два эссе по аналитической психологии», которая издавалась множество раз и подвергалась многочисленным переработкам. В этой работе он описывает распад *персоны* – психологической структуры, примерно равнозначной тому, что Эрик Эриксон называет *идентичностью*. Этот распад сопровождается высвобождением двух ранее подавленных и в любом случае бессознательных элементов личности: отвергнутого и низшего элемента, с которым человек всегда боролся (*тень*), и скрывающегося

² Рус. пер.: Юнг К. Г. Воспоминания, сновидения, размышления. Киев, 1994, с. 173–201.

за ним контрсексуального «другого», чью власть человек всегда из благих побуждений отрицал (*анимус* для женщины, *анима* для мужчины).

Юнг отметил, что угроза, создаваемая этим напряженным внутренним реструктурированием, может вызвать «восстановление персоны», отход к прежним паттернам идентичности и защитным механизмам. С другой стороны, это время перемен может породить движение вглубь, на неизведанную и пугающую психологическую территорию. Юнг чувствовал, что такое длительное психологическое странствие может привести человека к открытию сущности его бытия, Самости. Это открытие Самости и постепенная стабилизация ее чувствуемого присутствия и направляющей роли в сознательной жизни станут фундаментом нового переживания идентичности и целостности, которое базируется на внутреннем центре, самости, а не коренится во внешних факторах, подсказках и подкреплениях со стороны родительских фигур и других «образцов», культурных влияний и ожиданий, коллективных воздействий. Пройдя *весь* переходный период середины жизни, человек может обрести ощущение внутренней, свободной от эгоизма самости и чувство целостности и интегрированности, которое возникает в результате сознательного контакта с ней. Благодаря своему опыту переживания середины жизни Юнг открыл себя и свое призвание как целителя и выдающегося психолога-мыслителя; он нашел свою «судьбу» (Jung,³ 1961, p. 199; Ellenberger,⁴ 1970, p. 698–703).

Переходный период и кризис середины жизни связаны с важным сдвигом от ориентации на *персону* к ориентации на *Самость*. Этот сдвиг характерен для процесса индивидуации в целом, так как он отражает изменение, посредством которого человек сбрасывает слои семейного и культурного влияния и достигает определенной степени уникальности при интернализации внутренних и внешних фактов и влияний. Как и другие ритуалы, связанные с изменением социального статуса, этот переход можно разделить на три стадии: расставание, лиминальность и реинтеграция.

До сих пор я рассматривал только первую из этих стадий – расставание. С интрапсихической точки зрения, на первой стадии переходного периода середины жизни необходимо расстаться с прежней идентичностью, с *персоной*. Это должно освободиться от этой привязанности, прежде чем броситься в волны неизбежного периода лиминальности, предшествующего более глубокому открытию *Самости*. Чтобы решительно и окончательно освободиться, человек должен «найти труп» и затем похоронить его: определить источник страданий и освободиться от груза прошлого, оплакав и зарыв его в землю. Но прежде, чем двинуться вперед, человек должен понять и детально проработать природу утраты.

Однако разговор о *персоне* и необходимости расставания с ней как о главном вопросе первой стадии переходного периода придает обсуждению слишком общий и абстрактный характер. Поэтому я постараюсь более конкретно определить его значение, вновь обратившись к «Илиаде» и дилемме царя Приама, когда он направляется к лагерю ахейцев, чтобы вернуть труп своего убитого сына Гектора. Поражение и смерть Гектора привели Приама к тягостному переживанию паники, потери и безвозвратной утраты. Гектор – труп. Тогда кем же является Гектор и как эта утрата может помочь нам понять суть этой стадии переходного периода середины жизни?

Психологическое значение смерти Гектора начинается и заканчивается тем, что он – герой, возможно самый великий герой «Илиады». Он возвышается над равными – как друзьями, так и недругами – и представляет оплот в защите Трои от чужеземного захватчика, так как многие годы не уступает грекам на поле битвы, отвечая ударом на удар. Гектор представляет собой идеал мужской доблести, и ради этого идеала он должен принести в жертву свои отцовские чувства к маленькому сыну Астианаксу и свою любовь к жене – прекрасной и цар-

³ Там же, с. 294.

⁴ Рус. пер.: Эллиенбергер Г. Открытие бессознательного. Т. 2. СПб., 2004, с. 340–343.

ственной Андромахе. Таким образом, Гектор представляет не только идеал, но и фигуру, целиком движимую и контролируемую идеалом. Гектор предвидит, что его неспособность отказать от этого идеала приведет к трагедии. В отрывке, который, по моему мнению, является самым трогательным во всей «Илиаде», Гектор выражает сознание трагичности его абсолютной Эго-идентификации с *Персоной*, которая базируется на архетипе:

«Так отвечала [усердная ключница дома], – и Гектор стремительно из дому вышел
Прежней дорогой назад, по красиво устроенным стогнам.
Он приближался уже, протекая обширную Трою,
К Скейским воротам (чрез них был выход из города в поле);
Там Андромаха супруга, бегущая, встречу предстала,
Отрасль богатого дома, прекрасная дочь Этиона;
Сей Этион обитал при подошвах лесистого Плака,
В Фивах Плакийских, мужей киликийн властитель державный;
Оного дочь сочеталась с Гектором меднодоспешным.
Там предстала супруга: за нею одна из прислужниц
Сына у персей держала, бессловного вовсе, младенца,
Плод их единый, прелестный, подобный звезде лучезарной.
Гектор его называл Скамандрием; граждане Трои —
Астианаксом: единый бог Гектор защитой был Трои.
Тихо отец улыбнулся, безмолвно взирая на сына.
Подле него Андромаха стояла, лиющая слезы;
Руку пожала ему и такие слова говорила:
"Муж удивительный, губит тебя твоя храбрость! ни сына
Ты не жалеешь, младенца, ни бедной матери; скоро
Буду вдовой я, несчастная! скоро тебя аргивяне,
Вместе напавши, убьют! а тобою покинутой, Гектор,
Лучше мне в землю сойти: никакой мне не будет отрады,
Если, постигнутый роком, меня ты оставишь: удел мой —
Горести! Нет у меня ни отца, ни матери нежной!
Старца отца моего умертвил Ахиллес быстроногий,
В день, как и град разорил киликийских народов цветущий,
Фивы высоковоротные. Сам он убил Этиона,
Но не смел обнажить: устрасался нечестия сердцем;
Старца он предал сожжению вместе с оружием пышным.
Создал над прахом могилу; и окрест могилы той улымы
Нимфы холмов насадили, Зевеса великого дщери.
Братья мои однокровные – семь оставалось их в доме —
Все и в единый день преселились в обитель Аида:
Всех злополучных избил Ахиллес, быстроногий ристатель,
В стаде застигнув тяжелых тельцов и овец белорунных.
Матерь мою, при долинах дубравного Плака царицу,
Пленницей в стан свой привлек он с другими добычами брани,
Но даровал ей свободу, приняв неисчислимый выкуп;
Феба ж и мать мою поразила в отеческом доме!
Гектор, ты все мне теперь – и отец, и любезная мать,
Ты и брат мой единственный, ты и супруг мой прекрасный!
Сжался же ты надо мною и с нами останься на башне,

Сына не сделай ты сирым, супруги не сделай вдовою;
Воинство наше поставь у смоковницы: там наипаче
Город приступен врагам и восход на твердыню удобен:
Трижды туда приступая, на град покушались герои,
Оба Аякса могучие, Идомей знаменитый,
Оба Атрея сыны и Тидид, дерзновеннейший воин.
Верно о том им сказал прорицатель какой-либо мудрый,
Или, быть может, самих устремляло их вешнее сердце".
Ей отвечал знаменитый, шоломом сверкающий Гектор:
"Все и меня то, супруга, не меньше тревожит; но страшный
Стыд мне пред каждым троянцем и длинноодежной троянкой,
Если, как робкий, останусь я здесь, удаляясь от боя.
*Сердце мне то запретит; научился быть я бесстрашным,
Храбро всегда меж троянами первыми биться на битвах,
Славы доброй отцу и себе самому добывая!*
Твердо я ведаю сам, убеждаясь и мыслью и сердцем,
Будет некогда день, и погибнет священная Троя,
С нею погибнет Приам и народ копьеносца Приама.
Но не столько меня сокрушает грядущее горе
Трои, Приама родителя, матери дряхлой Гекубы,
Горе тех братьев возлюбленных, юношей многих и храбрых,
Кои полягут во прах под руками врагов разъяренных,
Сколько твое, о супруга! тебя меднолатный ахеец,
Слезы лиющую, в плен повлечет и похитит свободу!
И невольница, в Аргосе будешь ты ткать чужеземке,
Воду носить от ключей Мессеиса или Гиперея,
С ропотом горьким в душе; но заставит жестокая нужда!
Льющую слезы тебя кто-нибудь там увидит и скажет:
Гектора это жена, превышавшего храбростью в битвах
Всех конеборцев троян, как сражались вокруг Илиона!
Скажет – и в сердце твоём возбудит он новую горечь:
Вспомнишь ты мужа, который тебя защитил бы от рабства!
Но да погибну и буду засыпан я перстью землею
Прежде, чем плен твой увижу и жалобный вопль твой услышу!"
Рек – и сына обнять устремился блистательный Гектор;
Но младенец назад, пышноризой кормилицы к лону
С криком припал, устрася любезного отчего вида,
Яркою медью испуган и гребнем косматовласатым,
Видя ужасно его закачавшийся сверху шелома.
Сладко любезный родитель и нежная мать улыбнулись.
Шлем с головы немедля снимает божественный Гектор,
Наземь кладет его, пышноблестящий, и, на руки взявши
Милого сына, целует, качает его и, поднявши,
Так говорит, умолая и Зевса, и прочих бессмертных:
"Зевс и бессмертные боги! о, сотворите, да будет
Сей мой возлюбленный сын, как и я, знаменит среди граждан;
Так же и силою крепок, и в Трое да царствует мощно.
Пусть о нем некогда скажут, из боя идущего видя:
Он и отца превосходит! И пусть он с кровавой корыстью

Входит, врагов сокрушитель, и радуется матери сердце!"
Рек – и супруге возлюбленной на руки он полагает
Милого сына; дитя к благовонному лону прижала
Мать, улыбаясь сквозь слезы. Супруг умилился душевно,
Обнял ее и, рукою ласкающий, так говорил ей:
"Добрая! сердце себе не круши неумеренной скорбью.
Против судьбы человек меня не пошлет к Аидесу;
Но судьбы, как я мню, не избег ни один земнородный
Муж ни отважный, ни робкий, как скоро на свет он родится.
Шествуй, любезная, в дом, озаботься своими делами;
Тканьем, пряжей займись, приказывай женам домашним
Дело свое исправлять; а война – мужей озаботит
Всех – наиболее ж меня – в Илионе священном рожденных".
Речи окончивши, поднял с земли бронеблещущий Гектор
Гривистый шлем; и пошла Андромаха безмолвная к дому,
Часто назад озираясь, слезы ручьем проливая».

(VI: 390–496. – Курсив М. Стайн.)

Покорность Гектора тому, что он называет «судьбой», сводится к признанию, что он не может развиваться без персоны. Он ограничен ролью и идентичностью, и это ограничение должно соблюдаться вне зависимости от того, куда оно его приведет.

Таким образом, смерть Гектора означает утрату героя и героического идеала. Когда убивают героя, защитные структуры рассыпаются и энергия, некогда изливавшаяся через этот паттерн поведения, блокируется или рассеивается.

Если использовать здесь понятие *либидо*, мы признаем, что «герой» представляет определенную конфигурацию и *либидо* постоянно движется вовне и вперед – иногда в адаптивном и часто в защитном направлениях. Даже при обороне герой занимает экспансионистскую и наступательную позицию, берет инициативу в свои руки, захватывает врага врасплох, сокрушает его превосходящей силой и агрессивной стратегией. Героический паттерн представлен «продвижением либидо» (если воспользоваться техническими юнгианскими терминами) в фаллической экспансионистской модальности, которое берет на себя ответственность и добивается славы.

Этот принцип действия приходит к серьезному кризису при переживании несомненного поражения, особенно если поражение достаточно масштабно и происходит в критический момент жизни, например в ее середине. Тогда в идентичности «разрыв» может появиться между Эго и нынешней *персоной*, между «кем я себя теперь ощущаю!» и «кем я был в своих глазах и в глазах других в прошлом». Понимание этого расхождения может оказаться ужасным. Когда прежняя идентичность и мечты, на которых она основывалась, подвергаются дефляции и утрачиваются, происходит внезапное осознание уязвимости Эго и теневой личности, а также ограниченности развития жизни и поступательного движения вперед. Когда Гектора убивают, ограниченность воспринимается как *абсолютная*, как навсегда закрытая дверь, а смерть и поражение – как окончательный приговор жизни.

Этот момент осознания имеет решающее значение для отделения от прежней идентификации с персоной. Без ее полного поглощения естественные защитные механизмы Эго вернут персону на место и сделают все возможное, чтобы восстановить идентификацию с ней, даже если теперь она покажется несколько неискренней и постаревшей, но, несмотря на все изъяны, неврежденной и обеспечивающей безопасность в большей степени, чем без нее. Поэтому для окончательного расставания при осознании новой психологической ситуации здесь необходимо сделать полную остановку. В этот период либидо оказывается в подвешенном состоя-

нии, оно никуда не направлено: ни вперед, ни назад. И эта остановка длится до тех пор, пока не будет возвращено и должным образом похоронено мертвое тело Гектора, т. е. пока не будет полностью устранена идентификация с паттерном, который он представляет, – прежним доминирующим паттерном организации либидо. Элемент окончательности должен быть усвоен и поглощен, и привязанность к этой прежней структуре должна быть похоронена.

Человек, разумеется, может переживать критическое поражение в середине жизни без «полной остановки» в процессе инвентаризации и сознательного отделения от прежней идентификацией с персоной. Испытывая страх перед встречей с будущим, мужчина или женщина поддается иллюзии, что на самом деле ничего не изменилось. Поэтому он (или она) продолжает придерживаться прежнего паттерна поведения даже после того, как тот перестал быть полезным и был передан по наследству.

В этом случае «труп» не подвергается захоронению, а устанавливается на пьедестале. Но эта операция утрачивает адаптивный характер, и в возрастающей жесткости устаревшего тревожного поведения этого человека можно заметить определенный психологический «запашок». Затем, после завершения расставания, начинается лиминальность, и Эго, еще не освободившееся от своей идентификации с прежней Персоной для «плавания» в этот неоднозначный период, рывком освобождается от якорных цепей и, неспособное похоронить прошлое, колеблется на волнах полной раскаяния ностальгии. Кто не знал мужчину, чье восхождение наверх, несомненно, остановилось для всех, но не для него, и он продолжал ходить на работу и заставлял себя верить, что это только остановка в восхождении, так как он продолжал стремиться к той же цели, в глубине души не ощущая, однако, никакой приверженности к ней, и мужественно сражался с компульсивным желанием сбежать со своей секретаршей или женой соседа? Кто не знал женщину, которая отказывалась бы проявлять материнскую заботу или разыгрывать невинную девушку? Когда энергия перестает наполнять формы старых паттернов, теперь уже с нарушенной адаптивностью, Эго отказывается признать утрату и похоронить прошлое и поэтому не может войти в состояние «плавания», которое вернуло бы его и погрузило в бесформенные и неизведанные глубины психики.

Проблема неустранимого и неполного отделения от идентификации с прежней персонной порождается естественным, и вполне понятным, желанием человека не признавать то, что произошло, и отвергать все условия примирения с главной утратой и изменения, которые она предвещает. Этот вид неприятия изменения условий, внешних и внутренних, можно преодолеть только «нахождением трупа» и конкретным, неизменным и окончательным отношением к смерти.

Итак, как можно найти и вернуть труп, когда на пути встречается так много препятствий и оборонительных сооружений? В эпизоде, который я взял из «Илиады» в качестве парадигматического для этой стадии переходного периода середины жизни, Гермес украдкой проводит Приама мимо оборонительных рубежей греков в центр их лагеря, где Ахиллес лично охраняет тело Гектора. Здесь Гермес играет ключевую роль, которая заключается в том, что он вначале приводит Приама к трупу, а затем помогает ему вернуть труп. Это действие нахождения и возвращения трупа означает, что Эго нашло путь через оборонительные рубежи к тому месту, где пребывает его тревога по поводу утраты, смерти и конечности человеческого существования. В Гермесе бессознательное показывает фигуру, способную контролировать функционирование защитных механизмов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.